

УДК 811.161.1-313.2
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)63

ГСНТИ 17.07.41

Код ВАК 10.01.01

И. В. Кукулин
Москва, Россия

СОВЕТСКИЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ АНТИУТОПИИ

Аннотация. Исследователи истории русской антиутопической литературы полагают, как правило, что в послевоенной словесности (1945–1953) антиутопических сочинений не было — во всяком случае, среди тех, что были рассчитаны на публикацию. Эта статья направлена на то, чтобы пересмотреть такой взгляд. Два произведения, которые в ней обсуждаются — это роман Лазаря Лагина «Патент АВ» (1946) и неоконченная комедия Андрея Платонова «Ноев ковчег (Кайново отродье)» (1950). Роман Лагина был немедленно напечатан сначала в журнале «Огонек», а затем отдельным изданием; пьесе же Платонова редакция «Нового мира» печатать отказалась, а рецензировавший ее Ан. Тарасенков назвал ее «продуктом полного распада сознания». Однако, если сравнить эти два произведения, можно заметить, что у них есть один общий и очень важный мотив: они предсказывают появление нового поколения детей, лишенных собственных мыслей и подконтрольных государственной пропаганде. Эти мотивы в произведениях обоих писателей, насколько можно судить, были обусловлены их реакцией на глубокий психологический разрыв между детьми и взрослыми, возникший в годы войны и оказавший большое влияние на общественные настроения первых послевоенных лет. Этот разрыв не обсуждался в печати, однако способствовал распространению тревожных слухов и отчасти отразился в письмах граждан в газеты. Как я надеюсь показать в этой статье, в своем осмыслении страхов, распространенных в советском обществе, ни Платонов, ни Лажин не использовали «эзопов язык», но разрабатывали иную форму иносказания, которую я предлагаю назвать фантастическим социальным моделированием.

Ключевые слова: антиутопии; холодная война; послевоенная литература; советская литература; русские писатели.

I. V. Kukulin
Moscow, Russia

SOVIET POST-WAR ANTI-UTOPIA

Abstract. It is usually believed that there were no anti-utopian works in the Post-War Soviet literature (1945–1953), at least among the texts to be published. This paper is aimed at reconsideration of this view. The article is focused on comparison of the two works: Lazar' Lagin's novel *Patent AV* (*The Patent AV*, 1946) and Andrei Platonov's unfinished theater play *Noev Kovcheg* (*Kainovo otrod'ie*) (*Noah's Arc* (*The spawn of Cain*), 1950). Lagin's novel was immediately published, and Platonov's piece was banned and defined (in an editor's peer review) as 'a result of full disintegration of consciousness.' However, when comparing these works, one can notice that they have one common and very important trait: they predict the emergence of «new children», totally brainwashed and susceptible to further propagandist influence. These motifs were brought about with the deep rupture between adults and adolescents. This rupture emerged during the Second World War and entailed hidden social tension and social obsession in the Soviet society starting from 1945. It could not be discussed in media due to the censorship taboos, but it provoked rumors and citizens' letters to the newspapers. As I hope to demonstrate, when representing these social fears, Platonov and Lagin didn't use any 'Aesopian language,' but invented another form of circumlocution that I would propose to designate as fantastic social modeling.

Keywords: anti-utopia; cold war; post-war literature; Soviet literature; Russian writers.

1

О значительной роли антиутопий в русской литературе XX века написано уже очень много¹. Однако вторая половина 1940-х и начало 1950-х годов в истории этого жанра оказались почти обойдены вниманием исследователей. Так, автор многочисленных статей о русской антиутопии А. Н. Воробьева вообще характеризует 1930–1950-е годы как время «дезактивации антиутопии в советской литературе, этап [ее] теневого существования» [Воробьева 2009: 9]. Из созданных в этот период текстов Воробьева рассматривает только произведения Набокова («Приглашение на казнь» и «Истребление тиранов» — впрочем, к ним можно было бы добавить еще и пьесу «Изобретение Вальса», 1938). В целом с исследовательницей можно согласиться: в эти десятилетия антиутопий в русской литературе создается меньше,

чем когда-либо. Действительность этого времени была и без того слишком катастрофична для того, чтобы акцентировать негативные тенденции ее развития: повести «Софья Петровна» (1940) Лидии Чуковской и «Старуха» (1939) Даниила Хармса, изображающие атмосферу времени, уже в момент их создания можно было воспринимать как сбывшиеся антиутопии.

Еще один автор этого периода, работу которого можно считать близкой жанру антиутопии — советский шпион в Великобритании Эрнст Генри (в 1960–70-е годы публиковался под именем Семен Ростовский, имя при рождении — Лейб Хентов). В 1934 году Генри выпустил в Лондоне написанную по-английски книгу «Hitler over Russia? The Coming Fight between the Fascist and Socialist Armies». Этот текст был потом перепечатан в Нью-Йорке столь заметным издательством, как Simon & Shuster и несколько раз переиздавался в СССР в русском переводе — как сочинение «прогрессивного английского журналиста». В нем Генри-Хентов предсказал некоторые детали будущего нападения Гитлера на СССР, вплоть до блокады Ленинграда, хотя в других предсказаниях ошибся. Однако книга Генри была написана по-английски и по жанру была публицистическим, а не художественным произведением.

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Изоляционизм и советское общество: ментальные структуры, политические мифологии и культурные практики (1946–1985)» (Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы).

¹ См.: [Ланин 1993], [Ланин 2011], [Ågren 2014], [Воробьева 2014], [Ахметова 2016].

И все же антиутопии в более строгом смысле слова в русской литературе этого периода тоже существуют. Они были созданы не в 1930-х, а во второй половине 1940-х. Действие в них происходило не в будущем, а в настоящем, а сюжет разворачивался не в Советском Союзе, а за границей. Эта статья посвящена реконструкции культурного контекста советских антиутопий первых лет «холодной войны» и стоявших за ними авторских эстетических и социальных интенций. Объектами анализа станут два произведения: роман Лазаря Лагина «Патент АВ» и пьеса Андрея Платонова «Ноев ковчег (Каиново отродье)». Сравнение этих текстов позволяет увидеть, как они взаимно «подсвечивают» друг друга, и увидеть в них общие мотивы, создающие и в прозаическом, и в драматургическом произведении антиутопическую перспективу.

2

Роман Лазаря Лагина «Патент АВ» был написан в 1946 году, в первой половине 1947-го печатался в журнале «Огонек», в 1948-м вышел отдельным изданием, с тех пор много раз перепечатывался (последняя известная мне републикация — в 2003 году). Произведение это достаточно известно, и все же позволю себе напомнить основные сведения о его сюжете.

Действие происходит в вымышленной стране Аржантей¹. Это промышленно развитое государство с парламентской демократией, в котором находящиеся в меньшинстве коммунисты (представленные и в парламенте) противостоят «власти капитала». В основе повести — открытие, которое совершил врач Стивен Попф: вещество под названием «эликсир Береники», инъекции которого позволяют резко ускорить рост любых организмов.

Сама эта идея может напомнить русскому читателю о повести Михаила Булгакова «Роковые яйца», однако и Булгаков, и Лагин, по-видимому, ориентировались на общий источник — роман Герберта Уэллса «Пища богов» («The Food of the Gods», 1904, первый русский перевод Л. Никифорова вышел в 1909 г.). Переклички между Булгаковым и Уэллсом бросились в глаза уже Виктору Шкловскому, который упомянул о них в 1928 году в книге «Гамбургский счет»².

В описании вещества Попфа у Лагина есть противоречие: в некоторых случаях его применение приводит к тому, что обычные животные вырастают до гигантских размеров (кошка становится величиной с тигра), а в некоторых — к тому, что организм просто очень быстро, за несколько месяцев, дорастает до размеров взрослого, но не гигантского: в одной из первых глав романа препарат начинает принимать лилипут Томазо Магараф — и за несколько недель приобретает рост обычного взрослого человека.

Попф предлагает использовать его препарат для того, чтобы доразвивать бычков и цыплят за несколь-

ко недель до размеров взрослых животных (и, видимо, половозрелого состояния) и тем самым решить проблему голода в Аржантейе и вообще на Земле. Однако правящие в стране капиталисты не хотят терять доход. С помощью сложной провокации Попфа обвиняют в убийстве, которого он не совершал, и сажают в тюрьму одновременно с его другом-коммунистом Анейро. Вещество же попадает к связанному с правительством авантюристу по имени Альфред Вандерхунт (от идишского Hunt — собака), и он патентует «эликсир Береники» под собственным именем, так что он теперь называется «патент АВ». Средство становится засекреченным, его эксплуатация контролируется военным министерством. Вандерхунт организует в отдаленных местах Аржантейи целую сеть своего рода питомников, где из маленьких детей (в основном мальчиков) выращивают за считанные месяцы существ, внешне выглядящих как взрослые люди, но имеющих сознание младенцев. Под руководством «дрессирующих» их тренеров внезапно выросшие дети маршируют и поют:

Дяденьку мы слушались —
Хорошо накушались.
Если б мы не слушались —
Мы бы не накушались³.

Как потом становится понятно, из этих детей готовят нерассуждающих и нетребовательных солдат, необходимых правительству Аржантейи для ведения агрессивных войн.

В финале романа Попфа и Анейро выпускают из тюрьмы — после того, как профсоюзы грозят начать в стране всеобщую забастовку. Попфа, однако, никто не берет на работу, и его содержит его жена Береника, в честь которой и назван эликсир.

В целом роман Лагина выглядит в первую очередь авантюрно-развлекательным произведением, а эпизоды с выросшими детьми могут быть объяснены стремлением автора «заклеймить капитализм» и/или отсылками к традиции англоязычной фантастики. Тем не менее в финале есть важный эпизод — это речь Анейро в парламенте Аржантейи, очень напоминающая по своему композиционному заданию речь профессора Сальваторе в финале романа Александра Беляева «Человек-амфибия»: герой, временно ставший рупором автора, объясняет философский смысл происходящего. В своем выступлении Анейро предвещает, что в результате военного использования «эликсира Береники» стало возможным появление людей новой породы — не думающих, не рассуждающих и индоктринированных.

Отчасти текст Лагина сегодня может быть прочитан как пророческий, предсказывающий появление детей-палачей, которых использовал режим Пол Пота в Кампучии. Опасность, исходящая от индоктринированных детей, особенно бросается в глаза, если сравнить роман Лагина с «первоисточником» Уэллса: в «Пище богов» дети, получившие новое

¹ Скорее всего, это название отсылает к Аргентине как к месту действия романа Александра Беляева «Человек-амфибия». Как роман Лагина связан с произведением Беляева, будет сказано дальше.

² См. об этом: [Михайлик 2009].

³ Здесь и далее цит. по изд.: [Лагин 1948].

лекарство, превращаются в гигантских людей¹, и эти «молодые великаны» показаны в романе как провозвестники будущего. Иначе говоря, Лагин в значительной степени опровергает утопические надежды, высказанные в романе Уэллса; «Патент АВ», при всех коммунистических декларациях его героев, несет черты постутопической литературы.

Сегодня уже хорошо понятно, что Лагин был писателем совсем не простодушным. Он умел вводить в свои произведения разнообразие, — пользуясь более поздним советским термином, — «неконтролируемые подтексты». Так, писавшие о Лагине не раз отмечали, что в первом издании «Старика Хоттабыча» 1940 года джинн в цирке произносит загадочное заклинание «лехододиликраскало» — в последующих изданиях замененное на привычное современному читателю «трах-тибидох». Это рефрен синагогального гимна встречи Шаббата² — на иврите, но в ашкеназском (восточноевропейском) произношении, в буквальном переводе «Выйди, друг мой...». В современном иврите эта строка произносится как «Леха доди ликрат кала...».

Интерпретаторы Лагина обращали внимание и на другие намеки: Хоттабыч подчинялся кольцу Сулеймана ибн Дауда, то есть библейского царя Соломона, сына Давида (Шломо бен Довид); Волька толкует слово «балда» как обозначение мудреца, что в контексте повести выглядит как неловкая попытка уйти от ответственности перед Хоттабычем, которого мальчик впопыхах обозвал этим словом, однако такая «трактовка» может быть понята еще и как шуточный намек на ивритское «баал дат» — «муж знания и веры». В романе «Патент АВ» есть город Бакбук (в переводе с иврита — «бутылка»), это же слово использовано и Ф. Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле», где при Оракуле Божественной Бутылки живет принцесса Бакбук и отрицательный персонаж по имени Цфардейя (в переводе с иврита — «лягушка»)³. Возможно, роман может содержать и другие «подводные камни» — не только еврейские слова и отсылки к иудейским реалиям.

3

Пьеса «Ноев ковчег (Каинов отродье)» — последнее большое произведение Андрея Платонова⁴. Он работал над ним до самой смерти, в течение 1950 года (писатель скончался 5 января 1951-го); параллельно пьесе он написал сказку «Неизвестный цветок». Вдова Платонова пыталась предложить незаконченную пьесу для публикации в «Новый мир», однако критик и сотрудник журнала Анатолий Тарасенков отклонил ее, написав главному редактору (на тот момент — К. Симонову), что текст по

своему содержанию является психопатологическим и может представлять лишь медицинский интерес.

«Ноев ковчег» описывает экспедицию американских археологов на гору Арарат в Турции с целью найти остатки Ноева ковчега. Археологи изображены как нравственные монстры, типичные представители «американского экспансионизма», за исключением честного и думающего радиста Генри Полигнойса и живущей при экспедиции Евы — праведной и беззащитной глухонемой девушки; к ней иррационально привязан глава экспедиции, жестокий и циничный гедонист Иезекииль Секерва. На горе они встречают живущего вечно — но в нищете — апостола Иакова Праведного, брата Господня, защитника всех слабых и угнетаемых.

По ходу действия США взрывают в Атлантическом океане имеющиеся у них ядерные бомбы — по видимому, чтобы вызвать стихийное бедствие, которое бы обрушилось на СССР. Вместо этого взрыв разламывает земную кору и оттуда начинает течь вода, которая, как выясняется, заполняет внутреннюю полость нашей планеты (вкус к фантастическим наукообразным описаниям, проявленный Платоновым в его ранней повести «Эфирный тракт», не оставлял его до конца жизни). Начинается всемирный потоп, почему-то не затрагивающий СССР. На горе Арарат, чтобы спастись, собираются самые разные люди, в том числе, например, Уинстон Черчилль — а также Чарли Чаплин, Бернард Шоу и Альберт Эйнштейн, указанные в списке действующих лиц, но в написанном тексте пьесы отсутствующие. Полигнойс, разочаровавшийся в «американском империализме», дает радиogramму в СССР с просьбой спасти праведных, находящихся на горе — в первую очередь стремясь сохранить жизнь Евы и американской актрисы Марты, которая оказывается очень хорошим человеком (явная реминисценция образа Марион Диксон из кинокомедии Г. Александрова «Цирк»).

Становится известно, что по распоряжению Сталина за находящимися на горе людьми прибудет пассажирский корабль. Одновременно американцы привозят на гору существо по имени Чад-Ек № 101, который представляется как «спецчеловек Соединенных Штатов Америки, воин авангарда, космополит земного шара и новый человек будущего мира». Сочетание слова «авангард» и фразы «новый человек» подозрительно напоминает общую семантику проектирования «нового человека» в СССР 1920-х — начала 1930-х годов⁵, лишь для формы замаскированную ругательным словом «космополит» — и то в очень странном значении: в СССР конца 1940-х оно означало евреев, а Платонов предлагал понимать его буквально, как «гражданина мира», хотя и в негативном смысле. Чад-Ек постоянно чешется; лишь позже выясняется, что он — ходящий рассадник заразных блох, которых он должен выпустить на территории СССР.

Никакого «распада сознания», о котором писал Тарасенков во внутренней рецензии, у Платонова перед смертью не было: если не считать пьесы, его тексты последнего года жизни органично встраива-

¹ Почти буквальная реализация ницшевской идеи «сверхчеловека». Ницшеанская подоплека романа Уэллса проявлена и подчеркнута в иллюстрациях, которые нарисовал к «Пище богов» в 1970-е годы Илья Глазунов.

² Автором гимна был поэт и каббалист рабби Шломо Галеви Алкабец (ок. 1505 — ок. 1584).

³ Из многочисленных любительских публикаций на эту тему см.: [Шульман 2002].

⁴ Цит. по публикации: [Платонов 1993].

⁵ Ср., например: [Калинин 1928].

ются в общий контекст его творчества и не свидетельствуют ни о каком расстройстве. Следовательно, пьеса «Ноев ковчег» является результатом сознательно выстроенной художественной стратегии. Сегодня это произведение выглядит не столько патологическим, сколько внутренне противоречивым — по сочетанию авангардной стилистики и попыток тщательно соответствовать антиамериканской конъюнктуре конца 1940-х. Непонятно, почему Платонов не понимал, что несмотря на «правильность» идеологического содержания, радикальная эстетика и диковинный сюжет пьесы делают ее «непроходимой» в советской печати. Единственно возможное объяснение для меня состоит в том, что писатель искренне запутался в быстрой смене цензурных требований, происходившей во второй половине 1940-х, и считал, что в сатирической комедии в 1950 году могла быть дозволена условная, гротескная стилистика. Такая стилистика была характерна, например, для сатир против гитлеровцев времен Второй мировой войны или кукольного спектакля «Под шорох твоих ресниц» по пьесе Евгения Сперанского — издевательской пародии на штампы тогдашнего голливудского кино, поставленной Сергеем Образцовым в Московском театре кукол в 1949 году¹. Впрочем, перекликающийся по стилистике с пьесой «Ноев ковчег» фильм Григория Козинцева «Юный Фриц» (1943, текст и сценарий С. Маршака) не был допущен к выходу на экраны и осужден за «формализм» — кажется, Платонов должен был об этом помнить.

Исследователи пьесы (в первую очередь Н. Корниенко и Н. Малыгина) обращали внимание на то, что в ней содержится очень много отсылок к политическим реалиям конца 1940-х [Корниенко 1993]. Основой сюжета стало раздутое в советских газетах описание экспедиции, которая работала в 1949 году на горе Арарат под руководством богослова и миссионера Аарона Дж. Смита [Каммингс 2001]. Жившие в этой местности курды утверждали, что во время землетрясения 1948 года из недр горы были якобы выброшены остатки большого деревянного корабля, а с самолета были видны странные следы на Арарате (так называемая Араратская аномалия). Экспедиция Смита ничего не нашла, но советская пресса устроила пропагандистскую вакханалию, утверждая, что действительной целью экспедиции может быть только шпионаж за Армянской ССР, а поиски Ноева Ковчега — лишь прикрытие. Есть в пьесе намеки и на создание государства Израиль в 1948 году, и на бегство гоминьдановского правительства на Тайвань в 1949-м. Н. Корниенко не комментирует блох на теле Чадо-Ека, а они тоже пришли из прессы: в 1949 году в Хабаровске состоялся судебный процесс над японскими военными

преступниками, и на нем подсудимые утверждали, что Япония готовилась к бактериологической войне с Советским Союзом, при которой планировалось использование блох, зараженных чумой в специальной лаборатории. Материалы о процессе публиковались в советских газетах².

Исследователи (Роберт Ходел, а за ним — Наталия Матвеева) писали, что в «Ноевом ковчеге» Платонов использует эзопов язык: он описывает Америку таким образом, чтобы намекнуть на ситуацию в СССР. Роберт Ходел приводит длинный список реплик героев-американцев, по стилистике подозрительно напоминающих высказывания советских партийных начальников, журналистов или сотрудников НКВД: «Отвечайте мне, или вы ответите за свою ложь в худшей, в суровой обстановке, уверяю вас!» (Секерва); «Будьте на своих постах!» (Шоп); «Уполномоченный президента выражает осуждение всем американцам, которые находятся за пределами отечества...» (передача по американскому радио). Ср. также характерную фразу Полигнойса — «Америка забывает все станции, она слушает только самое себя»: в СССР глушили западные «радиоголоса», начиная с февраля 1948 года [Ходел 2003: 174]. Наталия Матвеева пишет: «Платонов использовал антиамериканскую тему, чтобы поднять вопрос о всяком государстве, уродующем человеческую личность и отбирающем свободу» [Матвеева 2008].

Платонов в «Ноевом ковчеге» не впервые переносил черты советской жизни на государство, объявленное в печати вражеским. Еще в 1934 году в рассказе «Мусорный ветер» Платонов описал нацистскую Германию по образцу тогдашнего Советского Союза. Например, упомянутые в этом произведении статуи вождя на центральных площадях всех населенных пунктов напоминают скорее СССР, где памятники Сталину устанавливались начиная с 1929 года, чем нацистскую Германию, где культ «фюрера» не принимал подобных форм³.

Второй заголовок пьесы — «Каиново отродье» — вероятно, отсылает не только к книге Бытия, но и к названию цикла поэм Максимилиана Волошина «Путь Каина. Трагедия материальной культуры» (1915–1923), который описывает всемирную историю как постепенное закабаление человека порожденными им самим силами — техникой и организованным насилием. Создание атомной бомбы в США и в СССР (взрыв советского ядерного устройства был осуществлен в августе 1949 года) давало более чем достаточно оснований для размышлений такого рода.

4

Исследователи произведения Платонова рассматривали «Ноев Ковчег» в контексте его раннего творчества [Малыгина 2003], его пьес 1930-х годов [Матвеева 2008], [Стеллеман 1999] и «американских» мотивов в его прозе [Корниенко 1993]. Однако, кажется, никто не анализировал пьесу в контек-

¹ Евгений Сперанский вспоминал, что сотрудники НКВД категорически потребовали сделать пьесу более антиамериканской, чем он написал, и он внес в текст необходимые поправки, но, по указанию С. Образцова, актеры с каждым представлением потихоньку приближали текст к первоначальному, так что через несколько десятков спектаклей показывали уже аутентичную пьесу Сперанского [Сперанский 1994].

² Процесс проходил 25–30 декабря 1949 г. О блохах см., например: [Судебный процесс 1949].

³ Я писал об этом в статье: [Koukouline 2015].

сте послевоенного творчества Платонова и его настроений в это время.

О том, что мучило писателя в середине 1940-х, мы знаем благодаря рапорту внештатного сотрудника НКВД («стукача») от 5 апреля 1945 года. Позволю себе привести пространную цитату из этого доноса, т. к. буквально все запечатленные там реплики Платонова окажутся важны для контекстуализации и анализа «Ноева ковчега»:

«За что вы все меня преследуете? — восклицал ПЛАТОНОВ, — вы, вы все? [...] Тоже это ваше Политбюро! Роботы ему нужны, а не живые люди, роботы, которые и говорят, и движутся при помощи электричества. И думают при помощи электричества. Политбюро нажмет кнопку, и все сто семьдесят миллионов роботов враз заговорят, как секретари райкомов. Нажмут кнопку — и все пятьсот, или сколько там их есть, писателей, враз запишут, как горбатовы»¹.

Он вдруг закричал: «Не буду холопом! Не хочу быть холопом!» <...> Он стал говорить о том, что чувствует себя гражданином мира (ср. «космополит земного шара» в «Ноевом ковчеге» — *И. К.*), чуждым расовых предрассудков, и в этом смысле верным последователем советской власти. Но советская власть ошибается, держа курс на затемнение человеческого разума. «Рассудочная и догматическая доктрина марксизма, как она у нас насаждается, равносильна внедрению невежества и убийству пытливой мысли. Все это ведет к военной мощи государства, подобно тому, как однообразная и нерассуждающая дисциплина армии ведет к ее боеиспособности. Но что хорошо для армии, то нехорошо для государства. Если государство будет состоять только из одних солдат, мыслящих по уставу, то, несмотря на свою военную мощь, оно будет реакционным государством и пойдет не вперед, а назад. Уставная литература, которую у нас насаждают, помогает шагистике, но убивает душевную жизнь. Если николаевская Россия была жандармом Европы, то СССР становится красным жандармом Европы. <...> Наша революция начинала, как светлая идея человечества, а кончает, как военное государство. И то, что раньше было душой движения, теперь выродилось в лицемерие или в подстановку понятий: свободой у нас называют принуждение, а демократизмом диктатуру назначенцев» [Андрей Платонов в документах 2000]².

Последняя реплика почти уже прямо переключается с тем, как описывал логику сталинского режима Дж. Оруэлл в романе «1984»: война — это мир, свобода — это рабство, в невежестве — сила.

Похоже, что сексот передал слова писателя довольно точно: изложенный в рапорте ход рассуждений слишком сложен и нетривиален для того, чтобы быть просто выдуманным.

Размышления Платонова дают очень важные «ключи» для интерпретации пьесы «Ноев ковчег». В первую очередь, из них понятно, что представление о Советском Союзе как об оазисе спасения и о светочке надежды для всего мира в этом произведении трудно воспринимать как выражение искренних убеждений писателя. Следовательно, абсолютное противопоставление США и СССР в «Ноевом ковчеге» — тоже дань официальной риторике.

В набросках к пьесе на первом листе рукописи отчетливо видно, как шла мысль Платонова: сначала он фокусируется на проблемах, характерных для послевоенного мира в целом, а потом начинает «сдвигать» сюжет в сторону антиамериканского памфлета, видимо, из последних сил надеясь на публикацию (из приведенного выше доноса видно, что надеяться такой человек мог только из последних сил):

Д<ействие> пьесы

Эпоха воинов прошла, наступило время шпионов
Сделайте ветхость допотопную, буквально, т. е. эпох<и> Ноя [нрзб]

Другая сторона мошенничества — идиотизм; обязательно

Ноев ковчег

В обороте «время шпионов» могли сплавиться сообщения об иностранных шпионах в советских газетах и то, что Платонов видел вокруг себя — постоянное доносительство и слежку государства за собственными гражданами. В целом образ «времени шпионов» указывает на ту же проблему, о которой говорил Оруэлл в «1984» (мы уже видели, что как минимум в одном пункте поздний Платонов совпал с Оруэллом): развитие технологий коммуникации и слежения после Второй Мировой войны приводит к тому, что общество становится все более «просвечиваемым». Фраза «Сделайте ветхость допотопную...» может быть прочитана как отзвук советской пропагандистской кампании «борьбы за русские приоритеты», когда было объявлено, что большинство достижений современной европейской цивилизации было первоначально изобретено русскими, но приоритет в каждом случае был «украден» западными учеными и техниками. Секерва, когда от него требуют срочно найти Ноев Ковчег, фальсифицирует археологическую находку. Повидимому, Платонов полагал, что в современной ситуации одной из самых сложных проблем станет превращение наследия прошлого в симулякр и его использование для пропагандистских целей.

Один из ключевых мотивов произведений Платонова 1946–50 годов — разрыв эмоциональной связи и преемственности между взрослыми и детьми, вообще между людьми разных поколений. Этот разрыв и его чудесное преодоление составляют сюжет рассказа «Возвращение». Но в менее явной форме тот же мотив эксплицирован в сказке «Неизвестный цветок», которую можно считать литера-

¹ Борис Горбатов (1908–1954) — плодовитый писатель и киносценарист, в 1946 году был удостоен Сталинской премии второй степени за повесть «Непокоренные (Семья Тараса)» (1943). Платонов в том же 1946 году подвергся критическому погрому в печати за рассказ «Возвращение» (подробнее см.: [Майофис 2016]).

² Сохранена капитализация фамилий, по стандарту применявшаяся в документах советской тайной полиции и ряда других ведомств.

турным завещанием Платонова¹. Она — о том, как девочка Даша из пионерского лагеря нашла на каменистом пустыре одинокий цветок, выросший вопреки всем препятствиям², и стала за ним ухаживать. В рассказе подчеркнуто, что цветок — сирота, скукающий по своей матери³. Пионеры из Дашиного отряда привезли на пустырь почву и сделали из него цветущий сад. Осенью цветок погиб, а на следующий год на его месте вырос другой — его сын. «Цветок этот рос из середины стеснившихся камней; он был живой и терпеливый, как его отец, и еще сильнее отца, потому что он жил в камне», — несмотря на цветущий луг кругом.

Связь «отца» и «сына» — это преемственность одиноких исключений, возникающая вопреки всему, и благодаря усилиям Даши. Даша, разговаривающая с цветком, напоминает глухонемую девушку Еву из «Ноева ковчега». Ева хоронит в земле умершего скорпиона, и Шоп говорит ей: «Что ты здесь сотворила? Целый мир из камешков, из глиняных комочков, целый мир тишины и детской истины». В финальной фразе «Неизвестного цветка» тоже говорится о безмолвной речи: «Даше показалось, что цветок тянется к ней, что он зовет ее к себе безмолвным голосом своего благоухания». Даша, как и Ева, возится с никому не нужным существом. В рамках пьесы «Ноев ковчег» глухонемая Ева, сохраняющая память о безвестно умершем скорпионе — антипод беспамятного Чадо-Ека. Спасены будут «нищие духом» и готовые любить, по Платонову — но они в заведомом меньшинстве.

5

Логику, стоящую за произведениями Лагина и Платонова, можно описать так. Если Запад или конкретно Америка, как их изображают в советской прессе — это жестокое, лицемерное и агрессивное общество, то мир, где цивилизация находится в состоянии

¹ Опубликовано посмертно: [Платонов 1969]. Здесь цитируется по: [Платонов 1985].

² История цветка открывается прямой аллюзией на евангельскую притчу (Мк 4: 2–10), из которых ясно, что и рассказ Платонова нужно понимать как метафору: «Лишь один ветер гулял по пустырю; как дедушка-сеятель, ветер носил семена и сеял их всюду — и в черную влажную землю, и на голый каменный пустырь. В черной доброй земле из семян рождались цветы и травы, а в камне и глине семена умирали. А однажды упало из ветра одно семечко, и приютилось оно в ямке меж камнем и глиной». Герой рассказа, цветок, растет на камне вопреки логике общих закономерностей, которую, казалось бы, использует Иисус в притче о сеятеле. Однако, если рассмотреть притчу о сеятеле в более общем контексте Евангелий, то сюжет Платонова, насколько я могу судить, соответствует глубинной логике евангельского воззрения, для которого важны идеи трудного роста («Входите тесными вратами» — Мф.: 7: 13) и внимании к индивидуальностям и исключениям — против обобщающего законничества и логики межэтнической межкультурной вражды: ср. эпизоды встречи с хананейкой и жены, взятой в прелюбодеянии. О контекстуальном значении притчи о сеятеле см., например: [Henderson 2006: 134–235].

³ На вопрос Даши «А отчего ты на других непохожий?» цветок отвечает: «Оттого, что мне трудно».

острого кризиса, может и должен быть описан в виде «погибающей Америки» или обобщенного Запада.

Одной из главных черт кризиса современной (конца 1940-х) цивилизации является возникновение беспамятных и безответственных детей. Характерно, что в состав имени «нового человека» входит слово «чадо» — ребенок, а сам он имеет номер, как заключенный ГУЛАГа⁴, серийное изделие (вспомним слова Платонова о «роботах» из процитированного рапорта) или «нумера» из романа Е. Замятина «Мы» (1921). Чадо-Ек напоминает персонажа из более ранней пьесы Платонова «Шарманка» (1930) — робота Кузьму, который начинает говорить лозунговыми клише, стоит лишь нажать кнопку. Однако «космополит земного шара» отличается от Кузьмы странным сочетанием «новизны» и опасности, это одновременно идеальный солдат и ходячий полигон для испытания нового вида оружия — бактериологического.

Общий мотив произведений Лагина и Платонова, делающий их антиутопиями, — страх распада контакта между поколениями и появления «нового человека», нравственно невменяемого и полностью индоктринированного.

Дочь Лагина Наталья упоминала, что одним из любимых авторов ее отца был М. Е. Салтыков-Щедрин — едва ли не самый значительный мастер в истории русской литературы, работавший с эстетикой эзопова языка [Лагина 1992]. Однако в «Патенте АВ» Лагин использовал не эзопов язык, а более сложную форму иносказания, которую можно назвать фантастическим социальным моделированием. Мариэтта Чудакова описала ее функционирование на материале повести «Старик Хоттабыч», которую она сравнила с романом М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Оба эти произведения, по ее мнению, изображают иррациональную сверхчеловеческую силу, вторгающуюся в советскую действительность и воздающую по заслугам всем виновным в доносах, хамстве и несправедливости. Реальным социальным «денотатом» такой силы был Сталин, но сама идея магического могущества в обоих романах была переозначена и «перенаправлена» на борьбу с разрушительным влиянием, которое диктатура оказывала на общество [Чудакова 2005].

Иносказания, примененные в романе Лагина и пьесе Платонова, имеют один общий элемент с эзоповым языком, как его описал Лев Лосев: они используют дозволенный тип сюжета (обличение капиталистических государств) для того, чтобы метафорически выразить смысл, не дозволенный цен-

⁴ О том, что для идентификации заключенных в ГУЛАГе использовались не имена, а номера, Платонов мог знать от сына. Его сын Платон, будучи подростком, под диктовку своего приятеля Игоря Архипова написал письмо к московскому корреспонденту немецкой газеты с предложением поставить ему за деньги информацию о жизни в СССР. Письмо было перехвачено НКВД, обоих юношей арестовали и обвинили в «измене родине» и шпионаже. Архипов был расстрелян, Платонов-младший несколько лет провел в Норильлаге и был освобожден досрочно в 1941 году из-за неустанных хлопот отца и из-за того, что в заключении заболел туберкулезом и потерял способность к физическому труду. Платон Платонов умер в 1943 году.

зурой [Loseff 1984]. Но ни произведение Лагина, ни произведение Платонова не поддаются прямому «переводу», который необходим для дешифровки эзопова языка: Аржантейя/США не означают в них буквально «Советский Союз»¹. Лагин и Платонов писали о том, каким они видели общий кризис цивилизации, вызванный Второй Мировой войной. Для изображения этого кризиса они брали существовавшие в соцреалистической литературе жанровые и сюжетные «формулы» (пользуясь терминологией Джона Кавелти [Кавелти 1996]), выработанные для описания «иностранный жизни», и придавали им иносказательный смысл таким образом, чтобы эти «формулы» говорили о проблемах, существующих, как полагали писатели, по обе стороны «железного занавеса». Внешним выражением этого сдвига значений стала бурлескная ирония, характерная и для Лагина, и для Платонова и наминавшая скорее о литературе 1920-х — первой половины 1930-х годов, чем о послевоенном соцреализме.

Методы трансформации предшествующих литературных «формул» в произведениях Лагина и Платонова были очень похожими, но источники этих «формул», то есть взятые за основу знакомые литературные дискурсы, были разными. К рассмотрению этих источников мы и перейдем.

6

Последовательная демонизация США началась в советской печати с 1947 года [Николаева 2002], и этой тенденции пытался соответствовать Платонов — но в 1946 году, когда Лагин писал «Патент АВ», процесс еще только набирал силу. Тем не менее традиция выносить на условный Запад сюжеты, говорящие о кризисе цивилизации, уже существовала. Создали ее советские фантасты 1930-х, в первую очередь Александр Беляев — в романах «Голова профессора Доуэля» (1925), «Человек-амфибия» (1927), «Человек, нашедший свое лицо» (1940) и «Ариэль» (1941). Описывая в этих романах «капиталистический мир», Беляев лишь в минимально необходимой для советской печати мере клеймил капитализм и гораздо большее внимание уделял влиянию фантастических открытий на человеческое сознание. Условный «Запад» выступал для него как субтитут «общества вообще». Притчевый характер своих романов Беляев подчеркивал с помощью иноязычных отсылок, понятных только образованным читателям: так, гениальный хирург, создавший «человека-амфибию» Ихтиандра и бросающий вызов творческим способностям Бога, носит имя Сальватор — на латыни «спаситель», а герой романа «Ариэль», который умеет летать без помощи технических средств, получает имя духа воздуха из пьесы Шекспира «Буря» и из «Фауста» Гете; само это имя на иврите означает «Лев Бога». Лагин, строя свой роман в жанровой парадигме советской научной фантастики, прямо продолжил беляевскую традицию.

¹ Р. Ходел специально подчеркивал, что скрытая ирония в адрес СССР в пьесе Платонова не означает, что у писателя были проамериканские взгляды [Ходел 2003].

Эта преемственность была замечена довольно быстро, хотя и была интерпретирована крайне своеобразно: в 1952 году, на волне борьбы с «космополитизмом», писатель Порфирий Гаврутто на страницах «Комсомольской правды» обвинил Лагина в том, что он заимствовал основные сюжетные ходы из повести Беляева «Человек, нашедший свое лицо». В том же году комиссия Союза писателей, созданная для расследования возможного плагиата, сочла, что Лагин невиновен, так как еще в 1935 году опубликовал рассказ «Эликсир сатаны» [Лагин 1935], где уже содержалась основная идея «Патента АВ».

Главной сюжетной идеей повести Беляева (и ее предшествующего варианта — «Человек, потерявший лицо») была история чудесно выросшего карлика. Однако в романе «Патент АВ» линия Томазо Магарафа — лишь одна из нескольких. Главная же новация романа — история внезапно выросших и впоследствии «выдрессированных» детей — отсутствует и у Беляева, и в «Эликсире сатаны»². Она появляется в текстах Лагина только в 1946 году.

Платонов использовал для своей пьесы другой «исходник» — язык пропагандистских песен второй половины 1940-х годов, изображающих США и американцев в карикатурном и мрачном виде. После начала «холодной войны» множество таких опусов было молниеносно написано и поставлено на сцене, а некоторые были даже экранизированы. Общий обзор этой пропагандистской продукции дан в первопродюческой статье Виолетты Гудковой [Гудкова 2009].

Аналогичные пьесы сочинялись и о жизни в европейских странах, хотя и они имели в первую очередь антиамериканское задание. Например, Николай Вирта написал в 1948 году пьесе «Заговор обреченных» — о том, как коммунисты приходят к власти в вымышленной восточноевропейской стране Славно и тем самым блокируют усилия США по присоединению этого государства к плану Маршалла. В своей пьесе Вирта оперативно отреагировал на просоветский государственный переворот, устроенный чехословацкими коммунистами в феврале 1948 года, и на установление социалистической республики в Румынии в декабре 1947-го — его пьеса обобщенно описывает эти события в Восточной Европе, как их интерпретировала советская пресса. Фильм, который снял по пьесе Вирты в 1950 году Михаил Калатозов, получил Сталинскую премию второй степени. Примерно в том же роде, что и пьеса Вирты, был написан роман Ореста Мальцева «Югославская трагедия» (1951), представляющий

² В «Эликсире сатаны» внезапное превращение карлика в человека среднего роста влечет за собой не менее важную часть сюжета: автора чудесного открытия начинают травить и преследовать в городе, где он живет; в этом рассказе местом действия являются именно США. У Беляева такая стигматизация встречается в другом произведении — «Человек-амфибия» (впрочем, может быть, Лагин здесь испытал влияние и пьесы Г. Ибсена «Враг народа»). Однако в любом случае, «Патент АВ» — произведение, существенно отличающееся от обоих романов Беляева и связанное с ними в основном мотивом чудесного «эликсира роста», который, как уже сказано, ввел в литературу Г. Уэллс.

Иосипа Броз Тито и Александра Ранковича как агентов США и людей морально растленных.

Однако не все произведения «из иностранной жизни», написанные для публикации в СССР во второй половине 1940-х, имели только пропагандистское задание. К исключениям относится, например, написанный Юрием Домбровским в Алма-Ате в 1943–1948 годах роман «Обезьяна приходит за своим черепом»¹. Это психологический роман о конформизме и неконформизме, по своей поэтике напоминающий не столько литературу соцреализма, сколько роман Лиона Фейхтвангера «Семья Оппенгейм». Герой произведения Домбровского — антрополог Леон Мезонье, живет в неназванной западноевропейской стране, оккупированной нацистской Германией. Нацисты подвергают его каждодневному психологическому прессингу, чтобы склонить к поддержке расовой «теории». Не выдержав давления, Мезонье кончает с собой, что в романе интерпретировано как отчаянный, но героический поступок. Другой пример — Илья Эренбург, чьи романы «Падение Парижа» (1941) и «Буря» (1947) вполне соответствовали официальной пропагандистской программе, но все же в них были разработаны и относительно сложные психологические коллизии.

Антиутопические мотивы в пьесе Платонова могут быть рассмотрены как радикализация эстетической стратегии, которую разработали Эренбург и Домбровский (возможно, Домбровский в своем романе прямо отвечал на роман Эренбурга «Падение Парижа», но этот вопрос требует дополнительных исследований)² — ставить экзистенциальные проблемы, используя реалии условного или реально существующего западноевропейского государства, при изображении которого не обязательно соблюдать многочисленные требования советской цензуры для изображения советского общества.

В целом можно сказать, что с жанрами пропагандистского романа и пропагандистской пьесы «из иностранной жизни» в послевоенной литературе сосуществовали произведения-притчи, использующие условный иностранный фон и эмоциональную атмосферу начинавшейся «холодной войны» для эстетического и философского осмысления очень тяжелой послевоенной ситуации в советском обществе.

7

У Лагина были личные причины бояться потерять контакт с подрастающим поколением. Пример

¹ Впервые опубликован только в 1959 г. В 1949 г., вскоре после завершения работы над романом, Домбровский был в очередной раз арестован и отправлен в ГУЛАГ за «клевету на вождя», заключающуюся в ироническом комментарии — высказанном в частной беседе — к известной фразе Сталина о сказке Горького «Девушка и смерть».

² Дмитрий Быков в своей видеолекции о Юрии Домбровском, опубликованной телеканалом «Дождь» 13 августа 2016 года (https://tvrain.ru/lite/teleshov/sto_lektsij_s_dmitriem_bykovym/1944-415239/), уже проводил параллель между романом Домбровского и «Бурей» Эренбурга, хотя и по другому признаку: герои обоих этих произведений — антропологи, осмысляющие ситуацию Второй мировой войны.

но в то же время, когда он писал «Патент АВ», его жена Татьяна, фоторедактор агентства АПН, ушла от него к пресс-секретарю посольства Югославии в Москве и уехала в Югославию вместе с новым мужем и 5-летней дочерью Лагина Наташей. После разрыва отношений двух стран бывший пресс-секретарь был арестован на родине как советский агент, после чего Татьяна Лагина вернулась в СССР и вышла (в 1948 году) замуж за советского писателя Николая Вирту — автора «Заговора обреченных».

Однако, помимо этих личных обстоятельств, оба писателя, Лагин и Платонов, реагировали в своих произведениях на одну и ту же проблему — распространяющуюся в советском обществе скрытую моральную панику в отношении подрастающего поколения.

Термин «моральная паника» (*moral panic*) был введен теоретиком медиа Маршаллом Маклюэном (1964) и социологом Стэнли Коэном (1972)³. Он означает ситуацию, при которой значительная часть общества начинает считать себя находящейся в состоянии крайней опасности, а главную ее причину видит в конкретной социальной группе. Такая группа может быть ни в чем не виновной (демонизация евреев в нацистской Германии и на оккупированных ею территориях, стигматизация сексуальных меньшинств, иные всплески ксенофобии), но часто моральная паника может выражаться в преувеличенном, катастрофическом страхе перед каким-нибудь действительно негативным явлением, например, перед хулиганами или педофилами, которым приписывается сверхъестественная власть над обществом.

Письма в советские газеты в первые послевоенные годы показывают, что многие люди были охвачены ужасом перед всплеском подростковой преступности и в целом перед потерей контроля над детьми. За этими страхами стояли как минимум три ряда причин.

1. Во многих странах, переживших Вторую Мировую войну, взрослые с тревогой видели, что дети во время войны «одичали», но в СССР этот социальный эффект был особенно сильным — и еще усугублялся тем, что из-за очень большой убыли взрослых мужчин дети до 14 лет (несмотря даже на падение рождаемости во время войны) составляли больше трети населения страны [DeGraffenried 2014: 157–172]. Многие подростки вынуждены были во время войны бросить школу и тем самым «выпали» из советских механизмов социализации. Миллионы детей 10–16 лет привыкли к насилию во время войны и жили в такой нищете, что были готовы жестоко избить и даже убить человека по мизерному поводу — за пальто, еду, ботинки. В стране существовал развитый криминальный мир, отвергающий все нормы советской социальности, и беспризорные дети часто попадали в орбиту его влияния, а число беспризорных и безнадзорных детей, по оценкам ЮНЕСКО, в эти годы измерялось миллионами. Даже среди детей из «приличных семей», особенно мальчиков, существовало романтизированное представление о криминальной среде. В 1945–47 годах уровень подростковой преступности был очень высоким [Fürst 2010: 170–172].

³ Об истории термина см.: [Hunt 1997].

2. Многие дети, несколько лет не видя отцов, потеряли с ними эмоциональный контакт; те, кто возвращались с фронта, подчас могли испытывать трудности в общении с детьми, примерно так, как это происходило с героями рассказа А. Платонова «Возвращение». Немногочисленные советские психологи в работе с реальными детьми зафиксировали феномен «раннего взросления», также описанный Платоновым в его знаменитом рассказе [Fürst 2010].

3. Во время войны подростки привыкли к тому, что изоляционистская внешняя политика была прервана, и после войны были готовы с энтузиазмом смотреть «трофейные» фильмы, а наиболее «продвинутые» — даже слушать западные радиостанции, пока их не начали глушить [Fürst 2010: 70].

Этой — весьма значительной части — детей, которые нарушали различные «взрослые» табу советского общества, противостояли девочки и мальчики совсем другого типа: те, кто во время войны солидаризировались с мобилизационной риторикой советской пропаганды и были готовы энтузиастически поддерживать послевоенные погромные кампании.

Несмотря на существование «коллективной истерии» (Дж. Фюрст) по поводу подростков, никакие из описанных выше страхов не обсуждались в печати, хотя проблемы подростковой преступности дискутировались на совещаниях в ЦК ВЛКСМ и в региональных комитетах комсомола. На одном из таких собраний выступающие предложили даже учить детей азам христианской морали, потому что больше, как они полагали, никакими мерами на них воздействовать было уже нельзя [Fürst 2010: 191].

Можно предположить, что страх за молодое поколение, вызванный атмосферой этой моральной паники, и у Лагина, и у Платонова соединился с тревогой, которая была вызвана усилением идеологического прессинга после 1943-го и особенно после 1946-го года¹, и подтолкнул их к описанию пугающего мира, где образцовым гражданином является беспрекословный инфантильный робот.

8

Фредерик Джеймисон писал, что фантастика, говорящая о будущем, необходима для радикальной историзации современности. Произведения Лагина и Платонова рассказывали не о будущем, а о гротескно преображенном настоящем — но решали именно ту задачу, о которой говорил Джеймисон [Jameson 1982]: они описывали послевоенные годы как период кризиса, охватившего разные страны.

Мысль о том, что у «капиталистических» и «социалистических» стран могут быть общие проблемы, в послевоенном СССР была совершенно табуированной. Высказывать ее было нельзя даже тем, кто находился на вершине власти. 12 апреля 1954 года Г. М. Маленков, на тот момент — глава государства, на встрече с избирателями сказал: «Советское правительство [...] решительно выступает против политики холодной войны, ибо эта политика есть политика подготовки новой международной

бойни, которая при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации» [Маленков 1954]. Высказывания о том, что существует единая «мировая цивилизация», объединяющая страны с разным общественным строем, и что мировая война может разрушить социалистические государства, а не только капиталистические, было сочтено политической ошибкой Маленкова и специально осуждено в постановлении пленума ЦК КПСС от 31 января 1955 года²; Маленкову пришлось публично признать свою неправоту. Тем более подобные высказывания не могли себе позволить рядовые граждане при жизни Сталина.

Лагин и Платонов в своих произведениях независимо друг от друга сформулировали сходную культурно-политическую программу. Они попытались описать послевоенную трансформацию общества как прежде всего распад взаимопонимания между взрослыми и детьми и показать опасность индоктринации детей со стороны правящей элиты. Однако проблему межпоколенческого разрыва, которую Платонов и, возможно, Лагин видели как общую для послевоенного мира, оба писателя вынуждены были изображать с помощью выработанного советской литературой и прессой языка противостояния государств и идеологий.

ЛИТЕРАТУРА

Андрей Платонов в документах ОГПУ-НКВД-НКГБ. 1930-1945 / Публикация Владимира Гончарова и Владимира Нехотина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. — С. 848–884.

Ахметова М. А. Антиутопия в детской литературе: «Капитан Крокус» Ф. Ф. Кнорре // Детские чтения. — 2016. — Вып. 9. — С. 119–133.

Воробьева А. Н. Расколотый мир в изображении русской антиутопии XX века // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков: коллектив. монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. — 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2014. — С. 218–235.

Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX — начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Саратов, 2009.

Гудкова В. В. «Многих этим воздухом и просквозило...»: Антиамериканские мотивы в советской драматургии (1946–1954) // Новое литературное обозрение. — 2009. — № 95.

Кавелли Дж. Изучение литературных формул / пер. с англ. Е. М. Лазаревой // Новое литературное обозрение. — 1996. — № 22. — С. 33–64.

Калинин М. И. Борьба за нового человека. Речь на торжественном заседании, посвященном десятилетнему юбилею комсомола 28 октября 1928 г. // Калинин М. И. Избранные произведения: в 4-х т. Т. 2. 1926–1932 гг. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. — С. 249–254 Каммингс В. Ноев Ковчег // Каммингс В. Ноев Ковчег. Пауэлл А. Д. Свитки Мертвого моря / пер. с англ. В. Медникова, И. Зотова. — М.: Вече, 2001.

Корниенко Н. В. «Увлекаю в дальнюю Америку...» // Новый мир. — 1993. — № 9.

Лагин Л. Патент АВ. — М., 1948.

Лагин Л. Эликсир сатаны // Огонек. — 1935. — № 4.

¹ Напомню, что после 1943-го Платонов несколько раз становился жертвой публичных «проработок».

² Правда, само это постановление было засекречено.

Лагина Н. Послесловие // Лагин Л. Старик Хоттабыч. — Харьков: Паритет, 1992. — С. 184–189.

Ланин Б. Наследие Евгения Замятина и современная русская антиутопия // Acta Slavica Iaponica. — 2011. — Vol. 29. — P. 49–63.

Ланин Б. Русская литературная антиутопия. — М.: Российский открытый университет, 1993.

Майофис М. Возвращения блудных отцов: рассказ А. Платонова «Возвращение» в литературно-публицистическом контексте 1945–1946 годов // Leo Philologiae: фestschrift в честь 70-летия Льва Иосифовича Соболева. — М., 2016. — С. 214–249. — Режим доступа: <http://veeb.ut.ee/FLVE/ruslit/sobolev/10.pdf> (дата обращения: 19.08.2017).

Маленков Г. М. Речь товарища Г. М. Маленкова на собрании избирателей Ленинградского избирательного округа г. Москвы 12 марта 1954 г. // Правда. — 1954. — 13 марта. — С. 2.

Мальгина Н. Трансформация образов и мотивов ранней прозы Платонова в пьесе «Ноев Ковчег» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — С. 201–210.

Матвеева Н. В. Драматургическая трилогия А. Платонова: «Шарманка», «14 Красных Избушек», «Ноев ковчег»: система мотивов: автореф. дис. ... канд. филол. н. — Екатеринбург, 2008.

Михайлик Е. Булгаков, Шкловский, Уэллс и «косность земли» // Тыняновский сборник / под ред. М. О. Чудаковой, Е. А. Тоддеса, Ю. Г. Цивьяна. Вып. 13: Двенадцатые — Тринадцатые — Четырнадцатые Тыняновские чтения: исследования, материалы. — М.: Водолей, 2009. — С. 242–251.

Николаева Н. И. Новый образ США. Изменения в советской пропаганде в 1947—1948 гг. // Новая и новейшая история: межвуз. сб. науч. тр. — Саратов: Изд-во СГУ, 2002. — Вып. 20.

Платонов А. Неизвестный цветок: Сказка-быль / публ. подгот. М. Платоновой // Семья и школа. — 1969. — № 2. — С. 58–59.

Платонов А. Ноев ковчег (Каиново отродье). Комедия / публикация М. А. Платоновой; подготовка текста и комментарий Н. В. Корниенко // Новый мир. — 1993. — № 9.

Платонов А. Собр. соч.: в 3 т. / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Чалмаева. — М.: Сов. Россия, 1985. — Т. 3.

Сперанский Е. В поисках «золотой нити». — М., 1994.

Стеллеман Е. Драматическое творчество А. Платонова: Обзор и предварительные замечания // Russian literature. — 1999. — Vol. 46. — № 2. — С. 233–261.

Судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия // Правда. — 1949. — 26 декабря. С. 4.

Ходел Р. Комедия «Ноев ковчег» — спор с либерализмом // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — С. 170–183.

Чудакова М. Воланд и Старик Хоттабыч // Чудакова М. Мирные досуги инспектора Крафта. — М.: ОГИ, 2005.

Шульман А. Когда немой лучше молчать... // Мишпоха. — 2002. — № 12 (2). — Режим доступа: <http://mishpoha.org/nomer12/a11.php> (дата обращения: 19.08.2017).

Ågren M. Phantoms of a Future Past: A Study of Contemporary Russian Anti-Utopian Novels. — Stockholm: Acta Universitatis Stockholmiensis, 2014.

De Graffenried J. K. Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War. — Lawrence, KS: The University of Kansas Press, 2014.

Fürst J. Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism. — Oxford; New York: Oxford University Press, 2010.

Henderson S. W. Christology and Discipleship in the Gospel of Mark. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — P. 134–135.

Hunt A. "Moral Panic" and Moral Language in the Media // The British Journal of Sociology. — 1997. — Vol. 48. — № 4 (Dec.). — P. 629–648.

Jameson F. Progress versus Utopia; Or, Can We Imagine the Future? // Science Fiction Studies. — 1982 (July). — Vol. 9. — № 2. Utopia and Anti-Utopia. — P. 147–158.

Koukoulina I. Pourquoi la Shoah n'est pas considérée comme événement à part entière dans l'histoire de la Russie // Fabula. — 2015. — 29 October. — Mode of access: <http://www.fabula.org/colloques/document2849.php>.

Loseff L. On The Beneficence Of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature / transl. form Russ. by J. Bobko. — München: Verlag Otto Sagner, 1984.

REFERENCES

Andrey Platonov v dokumentakh OGPU-NKVD-NKGB. 1930-1945 / Publikatsiya Vladimira Goncharova i Vladimira Nekhotina // «Strana filosofov» Andrey Platonov: Problemy tvorchestva. Vyp. 4. Yubileynyy. — M.: IMLI RAN, Nasledie, 2000. — S. 848–884.

Akhmetova M. A. Antiutopiya v detskoj literature: «Kapitan Krokus» F. F. Knorre // Detskie chteniya. — 2016. — Vyp. 9. — S. 119–133.

Vorob'eva A. N. Raskolotyy mir v izobrazhenii russkoj antiutopii XX veka // Russkiy proekt ispravleniya mira i khudozhestvennoe tvorchestvo XIX–XX vekov: kollektiv. monografiya / otv. red. N. V. Kovtun. — 2-e izd., ster. — M.: FLINTA, 2014. — S. 218–235.

Vorob'eva A. N. Russkaya antiutopiya XX — nachala XXI vekov v kontekste mirovoj antiutopii: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. — Saratov, 2009.

Gudkova V. V. «Mnogikh etim vozdukhom i proskvozilo...»: Antiamerikanskie motivy v sovetskoj dramaturgii (1946–1954) // Novoe literaturnoe obozrenie. — 2009. — № 95.

Kavelti Dzh. Izuchenie literaturnykh formul / per. s angl. E. M. Lazarevoy // Novoe literaturnoe obozrenie. — 1996. — № 22. — S. 33–64.

Kalinin M. I. Bor'ba za novogo cheloveka. Rech' na torzhestvennom zasedanii, posvyashchennom desyatiletнему yubileyu komsomola 28 oktyabrya 1928 g. // Kalinin M. I. Izbrannyye proizvedeniya: v 4-kh t. T. 2. 1926–1932 gg. — M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1960. — S. 249–254

Kammings V. Noev Kovcheg // Kammings V. Noev Kovcheg. Pauell A. D. Svitki Mertvogo morya / per. s angl. V. Mednikova, I. Zotova. — M.: Veche, 2001.

Kornienko N. V. «Uvlekaya v dal'nyuyu Ameriku...» // Novyy mir. — 1993. — № 9.

Lagin L. Patent AV. — M., 1948.

Lagin L. Elikvir satany // Ogonek. — 1935. — № 4.

Lagina N. Posleslovie // Lagin L. Starik Khottabych. — Khar'kov: Paritet, 1992. — S. 184–189.

Lanin B. Nasledie Evgeniya Zamyatina i sovremennaya russkaya antiutopiya // Acta Slavica Iaponica. — 2011. — Vol. 29. — P. 49–63.

Lanin B. Russkaya literaturnaya antiutopiya. — M.: Rossiyskiy otkrytyy universitet, 1993.

Mayofis M. Vozvrashcheniya bludnykh ottsov: rasskaz A. Platonova «Vozvrashchenie» v literaturno-publitsisticheskom kontekste 1945–1946 godov // Leo

Philologiae: festshrift v chest' 70-letiya L'va Iosifovicha Soboleva. — M., 2016. — S. 214–249. — Rezhim dostupa: <http://veeb.ut.ee/FLVE/ruslit/sobolev/10.pdf> (data obrashcheniya: 19.08.2017).

Malenkov G. M. Rech' tovarishcha G. M. Malenkova na sobranii izbirateley Leningradskogo izbiratel'nogo okruga g. Moskv 12 marta 1954 g. // Pravda. — 1954. — 13 marta. — S. 2.

Malygina N. Transformatsiya obrazov i motivov ranney prozy Platonova v p'ese «Noev Kovcheg» // «Strana filosofov» Andrey Platonova: problemy tvorchestva. Vyp. 5. — M.: IMLI RAN, 2003. — S. 201–210.

Matveeva N. V. Dramaturgicheskaya trilogiya A. Platonova: «Sharmanka», «14 Krasnykh Izbushkek», «Noev kovcheg»): sistema motivov: avtoref. dis. ... kand. filol. n. — Ekaterinburg, 2008.

Mikhaylik E. Bulgakov, Shklovskiy, Uells i «kosnost' zemli» // Tynyantovskiy sbornik / pod red. M. O. Chudakovoy, E. A. Toddesa, Yu. G. Tsiv'yana. Vyp. 13: Dvenadtsatye — Trinadtsatye — Chetyrnadtsatye Tynyantovskie chteniya: issledovaniya, materialy. — M.: Vodoley, 2009. — S. 242–251.

Nikolaeva N. I. Novyy obraz SShA. Izmeneniya v sovetsoy propagande v 1947–1948 gg. // Novaya i noveyshaya istoriya: mezvuz. sb. nauch. tr. — Saratov: Izd-vo SGU, 2002. — Vyp. 20.

Platonov A. Neizvestnyy tsvetok: Skazka-byt' / publ. podgot. M. Platonovoy // Sem'ya i shkola. — 1969. — № 2. — S. 58–59.

Platonov A. Noev kovcheg (Kainovo otrod'e). Komediya / publikatsiya M. A. Platonovoy; podgotovka teksta i kommentariy N. V. Kornienko // Novyy mir. — 1993. — № 9.

Platonov A. Sobr. soch.: v 3 t. / sost., vstup. st. i primech. V. A. Chalmayeva. — M.: Sov. Rossiya, 1985. — T. 3.

Speranskiy E. V poiskakh «zolotoy niti». — M., 1994.

Stelleman E. Dramaticheskoe tvorchestvo A. Platonova: Obzor i predvaritel'nye zamechaniya // Russian literature. — 1999. — Vol. 46. — № 2. — S. 233–261.

Sudebnyy protsess po delu byvshikh voennosluzhashchikh yaponskoy armii, obvinyayemykh v

podgotovke i primeneni bakteriologicheskogo oruzhiya // Pravda. — 1949. — 26 dekabrya. S. 4.

Khodel R. Komediya «Noev kovcheg» — spor s liberalizmom // «Strana filosofov» Andrey Platonova: problemy tvorchestva. Vyp. 5. — M.: IMLI RAN, 2003. — S. 170–183.

Chudakova M. Voland i Starik Khottabych // Chudakova M. Mirnye dosugi inspektora Krafta. — M.: OGI, 2005.

Shul'man A. Kogda nemym luchshe molchat'... // Mishpokha. — 2002. — № 12 (2). — Rezhim dostupa: <http://mishpoha.org/num12/a11.php> (data obrashcheniya: 19.08.2017).

Ågren M. Phantoms of a Future Past: A Study of Contemporary Russian Anti-Utopian Novels. — Stockholm: Acta Universitatis Stockholmiensis, 2014.

De Graffenried J. K. Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War. — Lawrence, KS: The University of Kansas Press, 2014.

Fürst J. Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism. — Oxford; New York: Oxford University Press, 2010.

Henderson S. W. Christology and Discipleship in the Gospel of Mark. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — P. 134–135.

Hunt A. “Moral Panic” and Moral Language in the Media // The British Journal of Sociology. — 1997. — Vol. 48. — № 4 (Dec.). — P. 629–648.

Jameson F. Progress versus Utopia; Or, Can We Imagine the Future? // Science Fiction Studies. — 1982 (July). — Vol. 9. — № 2. Utopia and Anti-Utopia. — P. 147–158.

Koukoulina I. Pourquoi la Shoah n'est pas considérée comme événement à part entière dans l'histoire de la Russie // Fabula. — 2015. — 29 October. — Mode of access: <http://www.fabula.org/colloques/document2849.php>.

Loseff L. On The Beneficence Of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature / transl. form Russ. by J. Bobko. — München: Verlag Otto Sagner, 1984.

Данные об авторе

Илья Владимирович Кукулин — кандидат филологических наук, доцент школы культурологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва).

Адрес: 105066, Россия, г. Москва, ул. Старая Басманная, 21/4.

E-mail: ikukulin@hse.ru.

About the author

Ilya Vladimirovich Kukulin — Candidate of Philology, Associate Professor, School of Cultural Studies, Department of the Humanities, National Research University — Higher School of Economics (Moscow).